

Э.Н. Мишкuroв,

доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник
высшей школы РФ, профессор Высшей школы перевода
(факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова;
e-mail: e.mishkurov@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЙ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: НОМИНАЦИЯ, ФУНКЦИИ, ДЕВИАЦИЯ ЯЗЫКА, ТРАНСЛЯТ

В работе исследуется военно-политический дискурс (ВПД) как государственно-институциональный, гибридно-поливекторный коммуникативный феномен функционально многоцелевого предназначения — военно-доктринального, политико-дипломатического, военно-публицистического (информационно-пропагандистского), военно-коммерческого, военно-воспитательного и др. Констатируется беспрецедентное использование на международной арене представителями властных структур ряда стран — членов НАТО в масс-медийном пространстве и устной риторике дискурсивных игр сниженного стиля с целевой установкой на оскорбление, уничижение и высмеивание адресантом соперника-реципиента на уровне девиантно-профанного узуса с использованием инвективной, обценной лексики, оскорбительных паралингвистических средств и т.п. На примере межъязыкового посредничества в области военной публицистики анализируется профессиональная деятельность переводчика в сфере военно-политической коммуникации как государственного служащего в сферах «Власть» и «Вооружённые силы» по шкале общеевропейского стандарта владения рабочими языками с индексом C_1 / C_2 .

Ключевые слова: гибридный, поливекторный дискурс; военно-политический дискурс; военная публицистика; профанный язык, девиантный узус, инвективная, обценная лексика.

Язык — это тюрьма, из которой нам никогда не удастся сбежать... Общество становится криминальное, и язык вслед за ним. Общество поддётся чужому влиянию, и язык тоже. Общество становится свободнее, и язык отражает это.

(М.А. Кронгауз)

1. «Военно-политический дискурс» как особый вид коммуникативного образования вошёл в научный обиход сравнительно недавно. В известной типологии В.И. Карасика среди институ-

циональных дискурсов обнаруживаем только «военный дискурс» [Карасик, 2002: 194].

Мы идентифицируем искомый объект следующим образом. Военно-политический дискурс (ВПД) представляет собой риторическое¹ институциональное гибридное, поливекторное² образование, охватывающее военно-доктринальное, военно-политическое (в том числе и военно-дипломатическое), военно-публицистическое (информационно-пропагандистское), военно-коммерческое, военнорекламное, военно-образовательное и военно-воспитательное коммуникативное пространство на всех уровнях военно-государственной структуры, оптимально обеспечивающей международную (межгосударственную) и внутригосударственную жизнедеятельность страны.

Очевидно, что современная функциональная парадигма ВПД предстаёт несколько более разноплановой и мультицеленаправленной сравнительно с той, которую сформулировал в 70-е годы XX в. Б.А. Серебренников, подчеркнув, что «говоря о функциях военно-политического дискурса, можно выделить три основные разновидности:

- информативно-мировоззренческая — формирует у читателя/слушателя/зрителя отношение к участникам происходящего и ситуации в целом;
- воспитательная — направлена на военно-патриотическое воспитание армии и общества в целом;
- манипулятивно-пропагандистская — манипуляция массовым сознанием, которая является ключевым элементом психологических операций и информационной войны» [Серебренников, 1973: 274].

В самом общем виде мы, перефразируя широко известное лапидарное определение Н.Д. Арутюновой дискурса, как «речи, погруженной в жизнь» [Арутюнова, 1990: 137], идентифицируем ВПД как «дискурс, погруженный в военно-политическую жизнь социума во всех её разноплановых ипостасях».

¹ Определение «риторический» мы заимствуем из дискурсивной классификации соответствующих коммуникативных образований известного философа К.А. Павлова-Пинуса, оперирующего оппозицией «риторический дискурс»: «теоретический дискурс». Разъясняя эту антиномию, он констатирует, что «целью теоретического дискурса является он сам и та понятность, которую он формирует; целью же *риторического дискурса* (курсив наш. — Э.М.) является что-то иное и внешнее по отношению к нему» [Неретина, 2017: 110].

² О введённом нами в научный оборот термино-понятия «поливекторный» см.: [Мишкур, 2012: 349]. Примером гибридного дискурса является, в частности, «военно-рекламный дискурс», описанный нами ранее [Мишкур, Немов, 2011: 11–23].

Спецификационно Р.Р. Мавлеев характеризует контент концепта ВПД в своей диссертации следующим образом: «Военно-политический дискурс — это совокупность военно-политических текстов, представленных официальными доктринальными документами и выступлениями политиков, связанных тематической и концептуально-идеологической направленностью, реализованных на определённом хронологическом этапе их развития и открытых для осмысления функционального развития в определённых военно-политических ситуациях» [Мавлеев, 2019: 6].

Действительно, стандартными официозными формами документооборота в рамках ВПД, а также нередко вкупе с другими типами институциональных дискурсов, являются различные «цветовые книги» — Белые, Красные, Зелёные, Синие, Коричневые, Серые и прочие, служащие, как правило, для публикации военно-политических документов, коммюнике, текстов выступлений первых лиц государств и других ответственных представителей власти. В ходу также разнотипные пресс-релизы и широкий спектр масс-медийных тематических публикаций, рисуночно-карикатурная графика (троллинг, пранк, мемы и т.д.).

Обратим внимание, в частности, на использование властными структурами информационно-пропагандистского потенциала вышеуказанных средств PR как в сугубо идеологических, так и в жизненно важных финансово-экономических сферах жизнедеятельности государств.

Военно-политические доктринальные установки, провозглашаемые различными государствами, как правило, носят двоякий «умиротворяюще-угрожающий» характер, особенно если речь идёт о применении современных видов вооружения и об условиях применения противостоящими сторонами средств массового уничтожения.

При этом большое внимание уделяется пропагандистско-метафорической риторике, носящей имидже-приукрашивающий характер своей военно-политической деятельности.

2. В этой связи рассмотрим некоторые аспекты военно-политической деятельности на современной международной арене стран-членов НАТО. Как известно, важной составляющей «военно-политических игр» США являются огромные социально-политические и военно-коммерческие, рекламные акции, нацеленные на дискредитацию военной помощи, военной техники и вооружения своих потенциальных противников — прежде всего России и Китая. При этом помимо агитационно-пропагандистских целей решаются

задачи по обеспечению своим компаниям-производителям оружия преимущественное положение на рынках вооружений развивающихся стран.

Напомним, в частности, что в 40-е годы XX века в США перед службами по связям с общественностью и рекламе, входившими с 1942 г. в объединённый Военный совет по рекламе (War Advertising Council), ставились задачи по информированию населения обо всех аспектах военной деятельности, поддержке правительства и его положительного имиджа внутри страны и за рубежом, формированию отношений партнёрства в промышленности, поддержке сотрудничества индустриальных структур и общественности. А в ходе Второй мировой войны наряду с широкой пропагандистской деятельностью делались и некоторые специальные «рекламные ходы». В частности, американская табачная компания сменила цвет упаковки сигарет Lucky Strike с зелёного на белый под слоганом «Зелёный цвет Lucky Strike ушёл на войну!» [Мишкуров, Немов, 2011: 27].

По окончании Второй мировой войны США в своём стремлении глобального доминирования в мире объявили все страны и континенты зоной своих «жизненно важных интересов». Для защиты этих интересов уже 75 лет Америка использует весь арсенал средств политико-дипломатического, экономического и информационно-пропагандистского воздействия на своих партнёров и потенциальных конкурентов, подкрепляемых неприкрытой военной угрозой «быстрого реагирования».

В настоящее время американский военно-политический курс, по наблюдениям экспертов, разрабатывается и реализуется на основании предпосылки о том, что Соединённые Штаты являются и в обозримой перспективе должны оставаться единственной сверхдержавой, глобальным лидером, имеющим право единолично формировать такие условия международной обстановки, которые бы в максимальной степени способствовали продвижению ключевых интересов Вашингтона в различных странах и регионах [Алексеев, Павленко, 2012: 191].

В принятой в феврале 2018 г. военной стратегии США в качестве главных конкурентов США определяются такие страны как Северная Корея, Китай, Россия и Иран. При этом Вашингтон оставляет за собой право применить ядерное оружие даже на неядерное нападение, если «понадобится защитить жизненно важные интересы страны, её союзников и партнёров».

Авторы книги «Военно-доктринальный базис внешней разведки. Зоны «жизненных» интересов США» Ф. Ладыгин и С. Афанасьев

пишут: «В войне с Россией основной формой применения своих стратегически-наступательных средств Пентагон рассматривает «упреждающий массированный удар, а также в случае необходимости — нанесение внезапного массированного ядерного удара составом дежурных сил. Возможность ответного ядерного удара не рассматривается в принципе, а ответный встречный ядерный удар считается крайне нежелательным» [см.: Яковлев: эл. ресурс]. Но при этом следует, как намеревался в своё время ещё в своё время президент США Б. Обама, «разорвать экономику России в клочья» [Обама: эл. ресурс].

А чтобы ни у кого не возникало сомнений относительно сокрушительной мощи американской армии, то можно при случае преувеличить и приукрасить свою исключительную роль в значимых исторических событиях.

Так, в связи с 75-летием победы над нацистской Германией, по заявлению МИД РФ, Пентагон представил мировой общественности викторину и соответствующую презентацию: «упомянув о том, что конфликт начался с вторжения Германии и СССР в Польшу, в ней ничего не говорится о вкладе Советского Союза над фашизмом, а даётся краткое изложение роли США в войне в Европе, начиная с высадки в Нормандии» [МИД РФ: эл. ресурс].

Политическая поведенческая бесцеремонность и цинизм США, отмечает МИД РФ, «не знает границ... прошли три четверти XX–XXI вв. после окончания Второй мировой войны, унёсшей 26 млн. советских людей, сломивших хребет военной машины Третьего рейха, США и её западноевропейские партнёры по НАТО хотели бы лишить исторической правды население своих стран о реальной роли стран-участниц в этой войне» [Там же].

В этой связи особое возмущение вызывает пропагандистская риторика президента США Д. Трампа. Он, ничтоже сумняшеся, по поводу 75-й годовщины победы над фашистской Германией, заявил, что «8-го мая 1945 года Америка и Великобритания победили нацистов». В своём ролике он не упоминает ни в какой связи Россию или Советский Союз. Посол РФ в США Анатолий Антонов справедливо заявил, что «Москва не должна молчать в ответ на попытки принизить роль СССР в победе в Великой Отечественной войне» [Антонов: эл. ресурс].

В настоящее время первостепенным объектом для агрессивной пропаганды и угроз со стороны США стал Китай, бездоказательно обвиняемый в сокрытии информации об источнике возникновения и распространении коронавирусной инфекции в мире.

А ранее ещё в своей инаугурационной речи президент США Д. Трамп образно обрисовал следующий военно-политический и экономический сценарий развития отношений между Америкой и КНР: «Мы должны защитить наши границы от разрушительных действий других государств [имея в виду в первую очередь КНР], которые производят нашу продукцию, воруют наши компании и отнимают наши рабочие места» [Мавлеев, 2019: 14].

Между тем, проведя текстовый анализ Белой книги по «Национальной обороне КНР — 2010», Р.Р. Мавлеев установил, что её доктринальная установка «отражает стремление Китая развивать и модернизировать свои вооружения, но при этом риторика документа остаётся миролюбивой и носит исключительно оборонительный характер» [Там же: 19].

3. В условиях геополитического и военно-дипломатического противостояния стран НАТО во главе с правящей военно-политической элитой США с Россией, КНР и другими «неудобными режимами» в Азии, Африке и Латинской Америке сложилась беспрецедентная практика вульгаризации и инвективизации нормативного контактного дипломатического языка на международном уровне коммуникации. Ярким свидетельством в этом отношении в настоящее время является русофобская истерия в США и ряде западноевропейских стран, которые, по замечанию В.В. Путина, «подхрюкивают своему гегемону» [Путин: эл. ресурс].

В бытность В.В. Путина премьер-министром РФ, бывший президент США Обама перед визитом в Москву по приглашению Д.А. Медведева бесцеремонно заявил, что «Путин одной ногой стоит в прошлом, а другой в настоящем», на что получил публичный уничижительно-насмешливый ответ: «Если мы стоим одной ногой в прошлом, а другой впереди, знаете, у нас в народе есть такое не очень литературное слово — мы в раскорячку не умеем стоять, мы твёрдо стоим на ногах» [Путин: эл. ресурс].

Президент Белоруссии А.Г. Лукашенко обижается на Россию за то, что она якобы «поставила его страну “раком”», не желая продавать ей нефть по выгодной для Белоруссии цене [Лукашенко: эл. ресурс].

Показателен также пример цинично-провокационного поведения Главнокомандующего ВС США президента Д. Трампа в отношении Главнокомандующего ВС Турции президента Р. Эрдогана, направившего последнему оскорбительное письмо следующего содержания:

THE WHITE HOUSE
WASHINGTON
October 9, 2019

His Excellency
Recep Tayyip Erdogan
President of the Republic of Turkey
Ankara

Dear Mr. President:

Let's work out a good deal! You don't want to be responsible for slaughtering thousands of people, and I don't want to be responsible for destroying the Turkish economy—and I will. I've already given you a little sample with respect to Pastor Brunson.

I have worked hard to solve some of your problems. Don't let the world down. You can make a great deal. General Mazloum is willing to negotiate with you, and he is willing to make concessions that they would never have made in the past. I am confidentially enclosing a copy of his letter to me, just received.

History will look upon you favorably if you get this done the right and humane way. It will look upon you forever as the devil if good things don't happen. Don't be a tough guy. Don't be a fool!

I will call you later.

Sincerely,

Обратим внимание на последний фрагмент письма, где Трамп «по-ковбойски» обращается к коллеге и, не стеснясь в выражениях, пишет: “Don’t be a tough guy. Don’t be a fool!” — «Не стройте из себя крутого парня. Не будьте дураком» [Письмо Д. Трампа...: эл. ресурс].

Предсказуемой была реакция Эрдогана: он демонстративно выбросил оскорбительное письмо «высокого коллеги» в мусорную корзину, а во время визита в США швырнул письмо на стол президента. Так закончилась их «паралингвистическая баталия».

В свою очередь, будучи ещё министром иностранных дел Великобритании, Б. Джонсон, якобы протестуя против наступления на свободу слова в Турции, написал стих об Эрдогане, лидере страны — члене НАТО, в котором говорилось, что тот «занимается сексом с козлом». Разумеется, что у высокопоставленного чиновника возникнут серьёзные проблемы в общении с Эрдоганом, так как подобная «шутка» была им воспринята как оскорбление. С трудом верится, что между Эрдоганом и ставшим премьер-министром Великобритании Б. Джонсоном наладятся в ближайшее время доверительные дружеские отношения.

Очевидно, что подобное поведение первых лиц некоторых ведущих западных стран — яркое свидетельство морально-этической и культурной деградации их правящих элит.

Резюмируем! Девиантный узус в «дискурсивных играх» ряда видных политиков и дипломатов становится своеобразной «нормой» во внешнеполитической, в том числе и военно-политической коммуникации [см.: Мишкур, 2019]. Их язык из средства «мягкой силы» стилистически становится всё более похожим на сленг героических ковбоев в кинофильмах Голливуда.

4. ВПД на уровне межгосударственной, международной коммуникации обслуживается, как правило, переводчиками, являющимися государственными служащими с индексом владения рабочими языками не ниже C_1 / C_2 в сферах «Власть», «Вооружённые силы» и т.п. по шкале общеевропейского компетентностного стандарта [Общеевропейские компетенции..., 2005: 46, 105 и др.].

Обычно речь идёт о категории «Военный переводчик» — специалисте, имеющем высшее специальное военно-гуманитарное образование, важной составной частью которого является дисциплина «Военный перевод».

Профессионал никогда буквально не переведёт “military officers” как «военные офицеры» вместо «военнослужащие», о чём так сокрушается Н.Н. Болдырев, уверяя, что «переводчики *часто* (курсив наш — Э.М.) выбирают в качестве основных доминант перевода собственно лингвистические данные и не учитывают его когнитивные и культурные аспекты, учёт которых во многих случаях оказывается не менее значимым» [Болдырев, 2018: 36].

Ярким примером категории «военно-политический переводчик» являлся В.М. Суходрев (1932–2014) — выпускник Военного института иностранных языков по отделению «Французский язык». Практически повседневным английским языком он овладел ещё в детстве во время проживания в Англии (1940–1945), где его родители работали в советском посольстве. После выпуска из вуза он

проработал в МИДе 30 лет в качестве личного переводчика первых лиц государства. За талант коллеги именовали его «зубром перевода», «голосом вождей», «генеральным толмачом» и т.д.

К сожалению, о подвигах и ратном труде военных переводчиков говорится ещё очень мало. Они ещё довольно редко становятся героями художественных произведений, кинофильмов и других жанров искусства. Место переводчика вообще и военного в частности в сфере интеллектуальной деятельности и в практическом плане должно быть чётко и почётно определено в жизни современного общества, а их труд оценён по заслугам.

Важный шаг в этом направлении уже сделан. Ежегодно 21 мая в России отмечается День военного переводчика. Эта дата для профессионального праздника выбрана в связи с тем, что 21 мая 1929 года заместитель народного комиссара по военным и морским делам и председателя РВС СССР Иосиф Уншлихт подписал приказ «Об установлении звания для начсостава РККА “Военный переводчик”». А 1 февраля 2020г. торжественно была отпразднована 80-я годовщина со дня образования ВИИЯ Красной армии [ВИИЯ. 80 лет на службе Отечеству, 2020].

Военный перевод (ВП) — это «один из видов специального перевода с ярко выраженной военной коммуникативной функцией». Его отличительной чертой является «большая терминологичность и предельно точное, чёткое изложение материала при относительном отсутствии образно-эмоциональных выразительных средств» [Нелюбин, 2003: 32].

В ВП в максимально концентрированном виде отражаются характерологические черты и свойства самых различных подвидов перевода в разнообразных сферах профессиональной коммуникации: научного, научно-технического, юридического, медицинского, публицистического, художественного и др. [см.: Гарбовский, Мишуров, 2010: 17].

Не будет преувеличением подчеркнуть особое место и роль военной публицистики в ВПД. Не случайно иной раз аналитики склоняются к мысли о целесообразности её выделения в отдельный «военно-публицистический дискурс», обслуживающей ВПД. В своё время Р.К. Миньяр-Белоручев заметил, что «военная публицистика <...> по своим характеристикам во многом (кроме военной терминологии) совпадает с газетно-информационными материалами» [Миньяр-Белоручев, 1980: 95], а А.Д. Швейцер название своей монографии «Перевод и лингвистика» конкретизировал подзаголовком «О газетно-информационном и военно-публицистическом переводе» [Швейцер, 1973: 2].

В настоящее время теория и методология перевода в её различных ответвлениях и аспектах интенсивно развивается в рамках когнитивно-коммуникативной дискурсологии. Соответственно в её военно-политической составляющей наметилось теоретико-прикладное направление исследования сходств и различий составных частей гибридных форматов дискурсов типа «военно-политический», «военно-публицистический», «военно-рекламный» и т.п.

Так, О.А. Солопова и К.А. Наумова полагают, что «интегральный характер военно-политического и военно-публицистического форматов дискурса детерминирован сочетанием военного, политического и публицистического типов дискурса, определяющих характеристику компонентов гибридных форматов. При этом военный дискурс задаёт концептуальные компоненты гибридных форматов (хронотоп, цели, участники, ценности), в то время как политический и публицистический типы дискурса определяют их содержательную наполненность (стратегии, тематика, прецедентные тексты, дискурсивные формулы): несмотря на общность «инструментария» военно-политического и военно-публицистического дискурсов (стратегии, материал, разновидности и жанры, прецедентные тексты, дискурсивные формы), глубинные различия в природе данных форматов определяются, прежде всего, участниками, руководствующимися своими целями и ценностями, и хронотопом <...> Стоит отметить, что общность компонентов военно-политического и военно-публицистического дискурса не ограничивается хронотопом и стратегиями. Вне зависимости от взаимоотношений между участниками военно-политического и военно-публицистического форматов дискурса и тот, и другой вращаются вокруг одной и той же тематики, посвящённой вопросам международных отношений, международного права и связанных с ними вопросам войны и мира. Единство тематики и функции убеждения приводят к общности таких компонентов, как прецедентные тексты и дискурсивные формулы».

Авторы приходят к выводу, что, несмотря на наличие общей дискурс-основы и ряда интегральных компонентов (хронотоп, стратегии, «дискурсивные ловушки», тематика, жанры, прецедентные тексты, дискурсивные формулы), военно-политический и военно-публицистический форматы дискурса демонстрируют принципиальные различия на уровне таких ключевых компонентов, как агенты, цели и ценности [Солопова, Наумова: эл. ресурс].

В последующей своей работе К.А. Наумова использует более тонкую категоризацию искомых гибридных образований: «существенные различия между форматами дискурса обусловлены несовпадением целей: для военно-политического и пропагандистского военно-публицистического дискурса — инициация войны, для оппозиционного военно-публицистического дискурса — недопущение военных действий» [Наумова: эл. ресурс].

Вполне очевидно, что все вышеотмеченные лексико-стилистические различия в текстах военно-политического и военно-публицистического форматов дискурса подлежат чёткой контекстуальной реализации в соответствующих переводах на рабочие языки искомых коммуникативных конситуаций.

В этой связи проанализируем рекомендации А.Д. Швейцера по адекватному переводу соответствующих фрагментов военно-публицистических текстов, опубликованных в специализированных ведомственных журналах типа “Military review” и “Soldiers”.

Автор наглядно демонстрирует «стилистическую неоднородность военной публицистики и её отражение в процессе перевода». Особое внимание он обращает на «необходимость учёта в переводе отличительных черт используемой в военной публицистике военной лексики, в том числе лексики экспрессивной, сленгизмов и неологизмов» [Швейцер, 1973: 238].

Так, в первом журнале, предназначенном для публикации военно-теоретических и обзорных статей по проблемам стратегии и оперативного искусства, по вопросам национальной безопасности и военных доктрин, наряду с материалами, написанными со значительными элементами научно-прикладного стиля, помещаются статьи, «мало отличающиеся по стилю изложения от обычных газетно-информационных материалов». Широко используются лексические единицы — эпитеты, метафоры и др., имеющие ярко выраженную эмоционально-оценочную окраску, а также специфические «солдатские сленгизмы».

Разумеется, последние в большей степени характерны для публикаций в журнале “Soldiers”, «предназначенного для более широкой читательской аудитории — личного состава армии на действительной службе, национальной гвардии, резерва сухопутных войск и гражданских лиц, состоящих на службе в армии» [Там же: 210].

Для иллюстрации вышеизложенных положений приведём несколько авторских репрезентативных переводческих решений согласно категоризации типов военно-публицистических жанров.

— Если вы переводите первый тип текстов со значительной военно-научной составляющей, — пишет А.Д. Швейцер, — важно учитывать такие особенности «специфических для научной прозы способов построения текста», например “If we list all the wars from in a roughly chronological order on a chart, showing deviation from each of the three sources and types of war, we can see some patterns” — «Если мы расположим все войны в примерно хронологическом порядке на схеме, где показаны отклонения от каждого из трёх источников и типов войн, то мы обнаружим некоторые закономерности».

Акцентируется, в частности, внимание на сохранении в переводе английского “we” как «мы», т.к. последнее — это, по мнению М.Н. Кожиной, и аудитория, и читатель и вообще все люди» [Там же: 208–209].

Между тем в “Soldiers” редакторский посыл типа “Happiness is many things. To the soldier, it’s a hot meal when you are hungry, a letter from home when you’re lonely, a soft bunk when you’re tired” — «Счастье означает разные вещи. Для солдата это горячий обед, когда ты голоден, письмо от родных, когда тебе грустно, мягкая койка, когда ты устал» — отличается разговорной манерой изложения «со стремлением заинтересовать и даже заинтриговать читателя» [Там же: 211–212].

Сниженной лексике, сленгизмам в авторской и соответственно в переводческой речи должно уделять особое внимание. Переводчик, считает Швейцер, обязан обладать особым искусством в трактовке соответствующих высказываний. Так, переводя некий фельетон, в котором текстуально сказано “We won, **man**, and they can’t **touch** us with a court-martial charge short of physical assault. Bedcheck, Saturday morning inspection and all that **crap** is gone, **man**. **Yeah**, we built a new army in tune with the times”, переводчик должен умело пользоваться методом компенсации: «Наша взяла, **старик**, и теперь нам никакой трибунал ничего не **пришьёт**, разве что оскорбление действием. Все эти вечерние проверки, утренние проверки по субботам и прочая **мура** — всё это отменили, **старик**. Мы создали новую армию и идём в ногу со временем». Вместе с тем Швейцер остерегает переводчика: «передача разговорно-просторечной окраски не обязательно осуществляется по принципу «от единицы к единице». Если, например, мы можем найти соответствие просторечному **crap** «мура» или **man** «старик», то это не значит, что мы должны во что бы то ни стало найти стилистическое соответствие **yeah**».

При этом, настаивает Швейцер, «перевод, осуществляемый по принципу «от слова к слову», т.е. «от единицы к единице», противоречил бы одному из основных положений настоящей книги, согласно которому эквивалентность устанавливается между текстами или между высказываниями, но при этом вовсе не обязательно между их отдельными элементами».

Исследуя вопрос о *сленгизмах* в англо-американской военной публицистике, Швейцер подчёркивает, что очень важно учитывать тексто-смысловую роль «общего и военного сленга», так как учёт их реальных функций в коммуникации «чрезвычайно важен, так как от него в конечном счёте зависит выбор того или иного способа перевода» [Там же: 230]. Для этого «важно знать не только, что сказано в подлиннике, но и для чего это сказано». Например, “Occasionally, there is enormous explosion as **‘the tunnel rats’**, having excavated a burrow, blow it **up**”. В этом случае заключённое в кавычки сленговое выражение *tunnel rats* выполняет экспрессивную функцию <...> Именно по этой причине словосочетание *tunnel rats* следует перевести дословно: «Время от времени раздаётся мощный взрыв. Это «туннельные крысы», обнаружив подземный ход, взрывают его» [Там же: 233].

А для того чтобы придать достоверность прямой речи или в качестве речевой характеристики персонажа перевод сленгизмов необходим: “**Baloney**’, said the wife of a lieutenant-colonel, ‘he’s in it, not me and they can **like it or lump it, I don’t give a hoot**” — «Ерунда! — сказала жена одного подполковника. Пусть себе мой муж **тянет лямку**, а я не собираюсь. А нравится это им или не нравится, мне на это **ровным счётом наплевать**» [Там же: 234].

В этой связи также заметим, что А.Д. Швейцер экстраполирует свои теоретические взгляды на перевод сленгизмов аналогичным образом на перевод как сленговых неологизмов, так и неологизмов вообще [Там же: 238].

Итак, завершая краткий экскурс в конкретную практику перевода военно-публицистических текстов, мы приходим к выводу, что ныне интенсивно разрабатываемый в дискурсологии простой одноязычный анализ сходств и различий военно-политических и военно-публицистических параметров (форматов) дискурса без глубинного трансляционно-смыслового ракурса малопродуктивен и отдаёт неким лингвистическим и социолингвистическим канцеляритом и статистическим формализмом.

Список литературы:

Алексеев Д.А., Павленко А.И. Политическое содержание современных военно-доктринальных взглядов США (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskoe-soderzhanie-sovremennyh-voenno-doktrinalnyh-vzglyadov-ssha/viewer>

Антонов А. (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://tass.ru/politika/8434175>

Арутюнова Н.Д. Дискурс / Лингвистический энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия». 1990. С. 137.

Болдырев Н.Н. Перевод как проблема выбора когнитивных доминант // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXIV: *Cognitio* и *communicatio* в современном мире. Материалы VIII Международного конгресса по когнитивной лингвистике 10–12 октября 2018 года. МГУ имени М.В. Ломоносова; Неолит Москва, 2018. С. 33–37.

ВИИЯ. 80 лет на службе Отечеству. М.: Союз ветеранов ВИИЯ, 2020. 416 с.

Гарбовский Н.К., Мишикуров Э.Н. Военный перевод в современном мире (теоретико-методологические, лингвистические, военно-исторические и социально-политические аспекты) // *Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода*, 2010. № 2. С. 16–41.

День военного переводчика в России (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://www.calend.ru/holidays/0/0/2458/>

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. 194 с.

Кронгауз М.А. Язык мой — враг мой? (Электронный ресурс) // *Новый Мир*. № 10, 2002. Режим доступа: https://magazines.gorky.media/povyi_mi/2002/10/yazyk-moj-vrag-moj.html

Ладыгин Ф., Афанасьев С. Военно-доктринальный базис внешней разведки. Зоны «жизненных» интересов США. М.: Родина, 2019. 208 с.

Лукашенко А.Г. Как Россия «поставила нас раком по углеводородам» (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://www.rosbalt.ru/like/2020/01/24/1824452.html>

Мавлеев Р.Р. Военно-политический дискурс: социально-коммуникативные, лингвокогнитивные и переводческие аспекты (на материале китайского и русского языков). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 28 с.

МИД прокомментировал заявление Бориса Джонсона об Олимпиаде 1936 года (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://rg.ru/2018/03/21/mid-prokommentiroval-zaiavlenie-borisa-dzhonsona-ob-olimpiade-1936-goda.html>

Мишикуров Э.Н. О девиантном узусе в современном политическом дискурсе // *Политическая лингвистика*. Урал. гос. пед. ун-т., 2019. № 6 (78). С. 23–28.

Мишикуров Э.Н. Переводческая интроспекция языковых игр в поливекторных дискурсах // *Русский язык и культура в зеркале перевода*.

Материалы III Международной научно-практической конференции (25–29 апреля 2012 г.). Греция (Салоники): Изд-во Высшая школа перевода МГУ, Москва, 2012. С. 349–356.

Мишкурлов Э.Н., Немов А.С. Характерология военно-рекламного дискурса и его транснациональная переводческая адаптация к специфике ареала реализации (на материале английского, арабского и русского языков) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2011. № 3. С. 11–23.

Наумова К.А. Контент-анализ военно-политического и военно-публицистического форматов дискурса в сопоставительном аспекте (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontent-analiz-voenno-politicheskogo-i-voenno-publitsisticheskogo-formatov-diskursa-v-sopostavitelnom-aspekte/viewer>

Наумова К.А. Политическая лингвистика, 2019. № 3 (75). С. 96–105.

Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд. перераб. М.: Флинта; Наука, 2003. 320 с.

Неретина С.С. Апории дискурса. М.: ИФ РАН, 2017. 119 с.

Обама Б. Экономика России «разорвана в клочья» благодаря США (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://ria.ru/20150121/1043501146.html>

Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка. М.: МГЛУ, 2005. 247 с.

Письмо Д. Трампа президенту Турции Р.Т. Эрдогану (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-50080126>

Путин В.В. Выступление перед Федеральным собранием. (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/372559-putin-razdal-100-mlrd-rublej-cto-prezident-poobeshchal-rossiyanam-biznesu-i-ssha>

Путин В.В. «Мы в раскорячку стоять не умеем» (Электронный ресурс). Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/rolling_news/2009/07/090703_rn_putin_obama_answer

Серебрянников Б.А. Общее языкознание: общие методы лингвистических исследований. М.: Наука, 1973. 319 с.

Солопова О.А. Наумова К.А. Гибридные форматы дискурса: проблемы классификации // Филологический класс, 2018, № 4 (54). С. 15–21.

Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика М., 1973. 280 с.

Яковлев Г.Д. Рецензия на «Военно-доктринальный базис внешней разведки. Зоны «жизненных» интересов США». (Электронный ресурс). Режим доступа: http://blackseafleet-21.com/news/11-10-2017_zona-zhiznennyh-interesov-ves-mir-voennaja-mosch-ssha-kak-faktor-globalnogo-dominirovanij

Leading from behind (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://www.mirprognozov.ru/prognosis/politics/leading-from-behind-iskusstva-manipulyatsiya/>

Eduard N. Mishkurov,

Professor, Dr. Sc. (Philology), Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: e.mishkurov@mail.ru

MODERN MILITARY-POLITICAL DISCOURSE: NOMINATION, FUNCTIONS, LANGUAGE DEVIATION, TRANSLATION

The paper deals with the study of the military-political discourse (MPD) as a state-institutional, hybrid-multivector communicative phenomenon of a functionally multi-purpose mission — military doctrinal, political-diplomatic, military-journalistic (informational and propaganda), military-commercial, military-educational, etc. It states an unprecedented use on the international arena by representatives of power structures of a number of NATO member countries in the media and oral rhetoric of discursive games of a substandard style with the goal of insulting, humiliating and ridiculing an opponent-recipient at the level of a deviant-profane usus using an invective, obscene vocabulary, offensive paralinguistic means, etc. The author analyzes the professional activities of the translator in the field of military-political communication as a civil servant in the Armed Forces sector on the scale of the pan-European standard for working languages with the index C_1 / C_2 using the example of inter-lingual mediation in the field of military journalism.

Key words: hybrid, multivector discourse; military-political discourse; military journalism; profane language, deviant usus, invective, obscene vocabulary.

References

Alekseev D.A., Pavlenko A.I. Politicheskoe sodержanie sovremennykh voenno-doktrinal'nykh vzglyadov SSHA [The Political Content of Modern US Military Doctrinal Views] (Elektronnyy resurs). Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskoe-soderzhanie-sovremennykh-voenno-doktrinalnykh-vzglyadov-ssha/viewer> (In Russian).

Antonov A. (Elektronnyy resurs). Rezhim dostupa: <https://tass.ru/politika/8434175> (In Russian).

Arutyunova N.D. Diskurs [Discourse]. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'. Moscow: "Sovetskaya entsiklopediya", 1990. P. 137 (In Russian).

Boldyrev N.N. Perevod kak problema vybora kognitivnykh dominant [Translation as a problem of choosing cognitive dominants]. Kognitivnye issledovaniya yazyka. Ussue XXXIV: Cognition i communicatio v sovremennom mire. Proceedings of the VIII International Congress on cognitive linguistics 10–12 October 2018. MGU imeni M.V. Lomonosova; Neolit Moskva, 2018, pp. 33–37 (In Russian).

VIIIYa. 80 let na sluzhbe Otechestvu. [Military Institute of Foreign Languages (MIFL). 80 years in the service of the Fatherland] Moscow: Soyuz veteranov VIIYa, 2020. 416 p. (In Russian).

Garbovskiy N.K., Mishkurov E.N. Voennyi perevod v sovremennom mire (teoretiko-metodologicheskie, lingvisticheskie, voenno-istoricheskie i sotsial'no-politicheskie aspekty) [Military translation in the modern world (theoretical, methodological, linguistic, military-historical and socio-political aspects)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*, 2010. No. 2, pp. 16–41 (In Russian).

Den' voennogo perevodchika v Rossii [Military Translator Day in Russia]. (Elektronnyy resurs). Rezhim dostupa: <https://www.calend.ru/holidays/0/0/2458/> (In Russian).

Karasik V.I. Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. 194 p. (In Russian).

Krongauz M.A. Yazyk moy — vrag moy? [My tongue is my enemy?]. *Novyy Mir*, No. 10, 2002. (Elektronnyy resurs). Rezhim dostupa: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2002/10/yazyk-moj-vrag-moj.html (In Russian).

Ladygin F., Afanas'ev S. Voенно-doktrinal'nyy bazis vneshney razvedki. Zony "zhiznennykh" interesov SShA. [Military doctrinal basis of foreign intelligence. Zones of "vital" US interests.] Moscow: Rodina, 2019. 208 p. (In Russian).

Leading from behind (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://www.mirprognozov.ru/prognosis/politics/leading-from-behind-iskusstva-manipulyatsiya/>

Lukashenko A.G. Kak Rossiya «postavila nas rakom po uglevodorodam» [“We are in dog fashion by Russia's hydrocarbons”]. (Электронный ресурс). Rezhim dostupa: <https://www.rosbalt.ru/like/2020/01/24/1824452.html> (In Russian).

Mavleev R.R. Voенно-politicheskiy diskurs: sotsial'no-kommunikativnye, lingvoko-gnitivnye i perevodcheskie aspekty (na materiale kitayskogo i russkogo yazykov). [Military-political discourse: socio-communicative, linguistic-cognitive and translation aspects (based on Chinese and Russian languages)]. Extended abstract of candidate's thesis. Moscow, 2019. 28 p. (In Russian).

MID prokomentiroval zayavlenie Borisa Dzhonsona ob Olimpiade 1936 goda [Foreign Ministry commented Boris Johnson's statement on the 1936 Olympics]. (Elektronnyy resurs). Rezhim dostupa: <https://rg.ru/2018/03/21/mid-prokomentiroval-zaiavlenie-borisa-dzhonsona-ob-olimpiade-1936-goda.html> (In Russian).

Mishkurov E.N. O deviantnom uzuse v sovremennom politicheskom diskurse [On the Deviant Usus in Contemporary Political Discourse]. *Politicheskaya lingvistika. Ural. gos. ped. un-t.*, 2019. No. 6 (78), pp. 23–28. (In Russian).

Mishkurov E.N. Perevodcheskaya introspektiya yazykovykh igr v polivекtornykh diskursakh [Translation introspection of language games in multivector discourses]. *Russkiy yazyk i kul'tura v zerkale perevoda. Materials of the III-th International scientific and practical conference (April 25–29, 2012). Gretsiya (Saloniki). Izd-vo Vysshaya shkola perevoda. MGU Moskva*, 2012, pp. 349–356. (In Russian).

Mishkurov E.N., Nemov A.S. Kharakterologiya voенно-reklamnogo diskursa i ego transnatsional'naya perevodcheskaya adaptatsiya k spetsifike areala realizatsii (na materiale angliyskogo, arabskogo i russkogo yazykov) [The characterology

of military advertising discourse and its transnational translation adaptation to the specifics of the distribution area (based on English, Arabic and Russian languages)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*, 2011. No. 3, pp. 11–23. (In Russian).

Naumova K.A. Kontent-analiz voenno-politicheskogo i voenno-publitsisticheskogo formatov diskursa v sopostavitel'nom aspekte [Content analysis of military-political and military-journalistic discourse formats in a comparative aspect] (Elektronnyy resurs). Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontent-analiz-voenno-politicheskogo-i-voenno-publitsisticheskogo-formatov-diskursa-v-sopostavitel'nom-aspekte/viewer> (In Russian).

Naumova K.A. *Politicheskaya lingvistika*. [Political linguistics], 2019. No. 3 (75), pp. 96–105 (In Russian).

Nelyubin L.L. Tolkovyy perevodovedcheskiy slovar' [Explanatory Translation Dictionary] 3-e izd. pererab. Moscow: Flinta; Nauka, 2003. 320 p. (In Russian).

Neretina S.S. Aporii diskursa [Aporia of Discourse]. Moscow: IF RAN, 2017. 119 p. (In Russian).

Obama B. Ekonomika Rossii “razorvana v kloch'ya” blagodarya SShA [Russian economy “torn to shreds” thanks to US]. (Elektronnyy resurs). Rezhim dostupa: <https://ria.ru/20150121/1043501146.html> (In Russian).

Obshcheevropeyskie kompetentsii vladeniya inostrannym yazykom: Izuchenie, obuchenie, otsenka [Common European Framework of Reference for Languages: Study, Education, Assessment]. Moscow: MGLU, 2005. 247 p. (In Russian).

Pis'mo D. Trampa prezidentu Turtsii R. T. Erdoganu [Letter from D. Trump to Turkish President R.T. Erdogan]. (Elektronnyy resurs). Rezhim dostupa: <https://www.bbc.com/russian/news-50080126> (In Russian).

Putin V.V. Vystuplenie pered Federal'nym soboraniem [Speech to the Federal Assembly]. (Elektronnyy resurs). Rezhim dostupa: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/372559-putin-razdal-100-mlrd-rublej-chto-prezident-poobeshchal-rossiyanam-biznesu-i-ssha> (In Russian).

Putin V.V. “My v raskoryachku stoyat' ne umeem” [“We are not able to stand upright”]. (Elektronnyy resurs). Rezhim dostupa: https://www.bbc.com/russian/rolling_news/2009/07/090703_rn_putin_obama_answer (In Russian).

Serebryannikov B.A. Obshchee yazykoznanie: obshchie metody lingvisticheskikh issledova-niy [General Linguistics: General Methods of Linguistic Research]. Moscow: Nauka, 1973. 319 p. (In Russian).

Solopova O.A., Naumova K.A. Gibridnye formaty diskursa: problemy klassifikatsii [Hybrid Discourse Formats: Classification Issues]. *Filologicheskii klass*, 2018. No. 4 (54), pp. 15–21 (In Russian).

Shveytser A.D. *Perevod i lingvistika* [Translation and Linguistics] Moscow, 1973. 280 p. (In Russian).

Yakovlev G.D. Retsenziya na “Voенно-doktrinal'nyy bazis vneshney razvedki. Zony “zhiznennykh” interesov SShA” [Review of the “Military Doctrinal Base of Foreign Intelligence. Zones of “vital” US interests”]. (Elektronnyy resurs). Rezhim dostupa: http://blackseafleet-21.com/news/11-10-2017_zona-zhiznennykh-interesov-ves-mir-voenna.ja-mosch-ssha-kak-faktor-globalnogo-dominirovanij (In Russian).